

ИСТИНА ¹

1. «Что есть истина?» — насмешливо спрашивал Пилат, даже не ожидая ответа. Он опередил свое время. Ведь сама по себе «истина» есть абстрактное существительное, верблюд, поддерживающий логическую конструкцию, которая не может ускользнуть даже от глаз грамматиков. Мы подобострастно приближаемся к ней, держа шляпу и категории. Так, мы спрашиваем себя, является ли Истина субстанцией (Истина, Корпус Знания), либо она представляет собой качество (что-то сходное с красным цветом, неотъемлемо присущим истинам), либо отношение («корреспонденция») ². Однако философам следует прикладывать свои усилия только к соразмерному им самим. А значит, следует обсуждать применение или определенные использования, слова «истинный». In vino, возможно, и «veritas», но в трезвом разговоре — «verum».

2. О чем же мы говорим как об истинном или ложном? Или каким образом в предложениях английского языка появляется фраза «является истинным» (is true)? Ответы, на первый взгляд, кажутся весьма разнообразными. Мы говорим (или нас приучили говорить), будто истинными могут быть убеждения, объяснения и описания, суждения и утверждения, слова и предложения. Заметим, что здесь приводятся только наиболее очевидные кандидаты. Далее, мы говорим (или нас приучили говорить): «Истинно то, что кошка на рогожке», «Истинно сказать, что кошка на рогожке» или же «Кошка на рогожке» является истинным». По случаю стоит также упомянуть и фразы типа: «Вполне истинно», «Это истинно», «Достаточно истинно».

Несомненно, что большинство (хотя и не все) из этих выражений, а кроме них возможны еще и другие выражения, появляются в языке вполне естественным образом. Однако оправдан вопрос о том, существует ли некоторое применение фразы «является истинным», которое отмечало бы основное или родовое название для всего того, о чем мы говорим «является истинным». Какое из данных выражений, конечно, при условии, что таковое вообще имеется, должно пониматься *au pied de la lettre* ³? Ответ на этот вопрос не займет много време-

¹ Austin J. Philosophical Papers. 2nd ed. Oxford, 1970. Перевод выполнен А. Л. Золкиным. Впервые статья «Истина» была опубликована в журнале: «Proceedings of the Aristotelian Society», доп. том. XXIV, в 1950 году. — Прим. ред.

² Вполне очевидно, что «истина» есть имя существительное, «истинный» — имя прилагательное, а «о» в «истина о» является предлогом.

³ Буквально (франц.) — Прим. перев.

ни и не заведет нас слишком далеко: ведь в философии именно следование букве ведет по ступенькам лестницы.

Я полагаю, что изначальными формами выражений можно считать следующие:

Является истинным (говорить), что кошка на рогожке.

То утверждение (его и т. д.) является истинным.

Утверждение о том, что кошка на рогожке, является истинным.

Итак, теперь займемся рассмотрением соперничающих вариантов:

(а) Говорят, будто «истина есть прежде всего свойство убеждений (beliefs)». Однако сомнительно, что использование выражения «истинное убеждение» вообще распространяется за пределы философии или теологии. Очевидно, что о человеке говорят, будто он имеет истинное убеждение тогда и в том смысле, когда он верит во *что-то* истинное или убежден в том, что *нечто* истинное является истинным. Более того, если, как утверждают, убеждение «подобно картине», то именно в этом отношении оно и не может быть истинным, а скорее всего опирается на доверие ⁴.

(б) Истинные описания и объяснения представляют собой просто разновидности истинных утверждений или же совокупностей утверждений, как и истинные ответы на вопросы, и тому подобное. Это относится и к суждениям, по крайней мере до тех пор, пока о них искренне говорят, будто они должны быть истинными, а не (в более широком смысле здоровыми, последовательными и т. д.) ⁵. В суждениях правоведения или геометрии есть что-то торжественное, поскольку они являются обобщениями, которые нас побуждают признать и в пользу которых приводятся те или иные доводы. Подобные суждения не содержат непосредственного отчета о текущем наблюдении, а если вы сообщаете мне о том, что кошка на рогожке, то это не суждение (proposition), а утверждение (statement). Правда, в философии «суждение» иногда используется особым образом как «значение или смысл предложения или группы предложений». Вне зависимости от того, насколько много мы размышляем о подобном применении, следует, во всяком случае, признать, что в данном смысле суждение не может быть тем, о чем говорят как об истинном или ложном. Мы ведь никогда не скажем, будто «значение (или смысл) этого предложения (или этих слов) является истинным». Что мы действительно говорим, так это то же, что утверждают судья или присяжные: «*Слова*, понятые в таком-то смысле или таким-то образом интерпретированные, а также если им

⁴ Подобие истинно в каком-то отношении к жизни, но это не истина о самой жизни. Слово картина может быть истинным как раз потому, что само картиной и не является.

⁵ Предикаты, применяемые к «аргументам», о которых мы не говорим как об истинных, могут считаться, например, обоснованными.

приписывается такое-то и такое-то значение, *являются истинными*».

(в) О словах и предложениях в самом деле говорят, будто это они должны быть истинными. О словах так говорят часто, а о предложениях реже. Правда, только в определенных смыслах. Слова в качестве предмета изучения филологов, составителей словарей, грамматиков, лингвистов, фонетиков, полиграфистов, литературных критиков, стилистов и так далее не могут считаться истинными или ложными. Скорее, они неправильно образованы, двусмысленны или недостаточно выразительны, непереводимы или непроизносимы, написаны с ошибками или устарели, искажены или же нет ⁶. Предложения в сходных контекстах являются либо эллиптическими, либо аллитеративными, либо грамматически неправильными, либо включенными в состав других предложений. Тем не менее мы все же в состоянии вполне и искренне заявить: «Его заключительные слова были совершенно истинными» или «Третье предложение на пятой странице его доклада полностью ложное». Однако в данных примерах «слова» и «предложения» указывают на *использованные конкретным лицом в определенных обстоятельствах* слова и предложения, что и показывается демонстративным образом с помощью притяжательных местоимений, временных глаголов, определенных дескрипций и т. п., которые в подобных случаях постоянно их сопровождают. А значит, «слова» и «предложения» указывают на *утверждения* (как и во фразе «многие слова говорятся в шутку»).

Каждое утверждение кем-то делается и его производство есть историческое событие — высказывание конкретным говорящим или пишущим определенных слов (предложений) для аудитории с указанием на историческую ситуацию, событие или чего-либо еще ⁷.

Если предложение *состоит из слов*, то утверждение *делается с помощью слов*. Предложение может не принадлежать английскому

⁶ Пирс начал с указания на существование двух (или трех) различных смыслов слова «слово» и сделал набросок технических приемов («исчисление» слов) для выделения этих «различных смыслов». Однако оба его смысла не определены достаточно хорошо, ведь есть и много иных смыслов: «словарный» смысл; филологический смысл, в котором «grammar» («грамматика») есть то же самое слово, что и «glamour» («очарование»); корректорский смысл, в соответствии с которым определенный артикль на странице 254 был написан дважды и так далее. Я думаю, что со всеми своими 66 подразделениями знаков Пирс не различал предложений и утверждений.

⁷ «Историческое», конечно же, не означает, что мы не в состоянии говорить о будущих или возможных утверждениях. «Конкретный» говорящий не является каким-либо точно определенным говорящим. Не требуется и того, чтобы «высказывание» было публичным высказыванием, ведь аудиторией может считаться сам говорящий.

языку или хорошему английскому языку, а вот утверждение может уже не быть сделанным на английском языке или на хорошем английском языке. Утверждение делается. Слова и предложения используются. Мы говорим о *моем* утверждении, но о предложении *английского языка* (если предложение принадлежит мне, то я придумал его, но придумать утверждение я не могу). Одно и то же предложение используется в производстве *различных* утверждений (я говорю «Это — мое», вы говорите «Это — мое»), оно также может быть использовано в двух случаях или же двумя лицами в производстве *одного и того же* утверждения, но для этого высказывание должно быть сделано с указанием на одну и ту же ситуацию или событие ⁸. Мы говорим об «утверждении, что *S*», но о «предложении "*S*"», а не о «предложении, что *S*» ⁹.

Когда я говорю, что утверждение и есть то, что является истинным, то я не стремлюсь связывать себя прочными узами исключительно с одним единственным словом. Например, «заявление» также хорошо подходит к большинству контекстов. Оба слова разделяют слабость быть несколько высокопарными (гораздо в большей степени, чем общие фразы типа «то, что вы сказали» или «ваши слова о том, что»), хотя мы обычно не столь торжественно настроены, когда обсуждаем истинность чего бы то ни было. Однако достоинство их состоит в ясном указании на историческое использование предложения говорящим, поэтому они как раз и неэквивалентны «предложению». Следовательно, считать исходным «Предложение *S* истинно (в английском языке)» будет ошибкой. В данном случае добавление слов «в английском языке» и подчеркивает то, что «предложение» не исполь-

⁸ «Одно и то же» не всегда подразумевает тождество. Фактически эта фраза вообще обладает значением особым образом, отличным от того, каким «обычные» слова типа «красный» или «лошадь» имеют значение. «Одно и то же» есть (типичное) приспособление для установления и различения значений обычных слов. Подобно тому, как и «реальный» есть часть нашего вербального аппарата для фиксирования и установления семантики слов.

⁹ Кавычки показывают, что слова, хотя и были высказаны (в письменной форме), тем не менее не могут считаться утверждением говорящего. Это относится к двум возможным случаям: (1) когда то, что обсуждается, само есть предложение, (2) когда обсуждается утверждение, сделанное когда-либо в другое время с помощью «цитируемых» слов. Только в случае (1) будет правильно говорить, что знак служит символом (и даже здесь все же неверно говорить, будто «Кошка на рогожке» есть *имя* предложения русского языка, хотя, возможно, что *Кошка на рогожке* представляет собой заглавие романа, или, что папская булла могла получить известность как *Catta est in matta*). Только в случае (2) есть нечто истинное или ложное, а именно (не сама цитата), но то утверждение, которое было сделано с помощью процитированных слов.

зуется в качестве эквивалента «утверждению», а значит тому, что может быть истинным или ложным (более того, «истинно в английском языке» представляет собой грамматическую ошибку, порожденную скорее всего неоправданным моделированием на основе выражения «истинно в геометрии»).

(3) Когда же утверждения являются истинными? Конечно, сопоставительно было бы ответить (если мы, по крайней мере, ограничиваем себя «искренними» утверждениями): «Когда они соответствуют фактам». И для части обычного языка это вряд ли неверно. Я даже должен признать, что вообще не считаю это ошибочным: ведь теория истины есть просто набор трюизмов. Однако, по крайней мере, это может вводить в заблуждение.

Если вообще существует тот тип общения, которое достигается нами с помощью языка, то должен быть и запас символов определенного вида, которые один участник общения («говорящий») способен воспроизвести «по своему усмотрению», а другой участник общения («аудитория») в состоянии заметить. Эти знаки и могут называться «словами», хотя, конечно, не требуется, чтобы они были полностью сходными с тем, что мы обычно считаем словами — это могут быть сигнальные флажки и т. д. Также должно существовать нечто иное, чем слова. То, по поводу чего происходит общение с применением слов. Это может быть названо «миром». Нет никаких оснований для того, чтобы мир не включал в себя слов во всех смыслах, кроме смысла самого действительного утверждения, которое в любых конкретных обстоятельствах все-таки делается о мире. Далее, в мире должны проявляться (мы должны наблюдать) сходства и различия (которые не могут существовать друг без друга). Если бы все было абсолютно неотличимо от чего-то иного, либо полностью на что-то иное непохоже, тогда вообще нельзя было бы ничего сказать. И в конце концов (конечно, для данных целей, поскольку существуют и другие условия, которые также следует соблюдать) должно быть два ряда конвенций.

Дескриптивные конвенции ставят слова (= предложения) в соответствие с *типами* ситуаций, вещей, событий и т. д., которые могут быть обнаружены в мире.

Демонстративные конвенции ставят в соответствие слова (= предложения) с историческими ситуациями и т. д., которые могут быть обнаружены в мире ¹⁰.

Итак, об утверждении говорится, что оно является истинным, когда историческое положение дел, соответствующее ему с помощью демонстративных конвенций (на которое оно «указывает»), относится к тому

¹⁰ Оба ряда конвенций могут быть объединены под общим названием «семантика», однако они существенно различаются.

типу, которому ¹¹ с помощью дескриптивных конвенций соответствует предложение, использованное для производства утверждения ¹².

3(а) Трудности возникают при использовании слова «факт» по отношению к историческим ситуациям, событиям и в целом по отношению к миру. Поскольку «факт» постоянно используется вместе со словами «в том, что» в предложениях типа «Факт в том, что S» или «Это факт, что S», а также в выражении «факт в том, что», постольку подразумевается, что будет истинным сказать, что S ¹³.

¹¹ «Относится к тому типу, с которым» означает «является в достаточной степени подобным тем стандартным положениям дел, с которыми». Таким образом, чтобы утверждение было истинным, одно положение дел должно быть *подобным* некоторым другим положениям дел, и это представляет собой естественное отношение. И притом также в *достаточной степени* быть подобным, чтобы заслуживать той же самой «дескрипции», которая уже чисто естественным отношением больше не является. Слова «Это — красное» не означают то же самое, что и слова «Это подобно тому-то», и даже не подразумевают того же, что подразумевают слова «Это подобно тому, что называется красным». То, что вещи являются *похожими* или даже «в точности» похожими, я могу в буквальном смысле видеть. Но того, что они одни и те же — этого я в буквальном смысле видеть не могу. Поэтому в утверждения о том, что вещи одного и того же цвета, дополнительно включается конвенция, помимо конвенционального выбора названия цвета, о котором идет речь.

¹² Трудность заключается в том, что предложения содержат слова или вербальные средства, служащие обоим целям: дескриптивной и демонстративной (мы здесь пренебрегаем иными целями), причем зачастую эти средства обслуживают обе цели одновременно. В философии мы принимаем дескриптивное за демонстративное (теория универсалий) или демонстративное за дескриптивное (теория монад). Обычное отличие предложения от простого слова или фразы характеризуется тем, что предложение содержит некоторый минимум вербальных демонстративных средств («указание на время» Аристотеля), однако многие демонстративные конвенции не являются вербальными (знаки препинания и т. д.), а значит, мы в состоянии сделать утверждение с помощью единственного слова, которое уже не является «предложением». Таким образом, в «языках» подобных тем, которые состоят из знаков («уличное движение» и т. д.) используются довольно различные средства для демонстративных и дескриптивных элементов (расположение знака на столбе, местоположение знака). Однако для многих вербальных демонстративных средств, применяемых в качестве вспомогательных, *всегда* должны существовать невербальные источники *происхождения* той координации, которая происходит в момент высказывания утверждения.

¹³ Я ввожу следующие сокращения:

S для кошки на рогожке.

ST для истинно, что кошка на рогожке.

tst для утверждения о том, что.

Это может вести к предположению, что

(1) «факт» представляет собой всего лишь выражение альтернативное «истинному утверждению». Заметим, что когда сыщик говорит «Обратимся к фактам», то он не начинает ползать по ковру, а продолжает высказывать последовательность утверждений: мы даже говорим об «установлении фактов».

(2) для каждого истинного утверждения существует свой собственный, «один единственный», в точности ему соответствующий факт — для каждой шапки найдется подходящая голова.

Если (1) приводит к некоторым ошибкам в теориях «когеренции» или в формалистических теориях, то (2) порождает заблуждения уже в теориях «корреспонденции». Поскольку мы либо вынуждены считать, что кроме самого истинного утверждения нет ничего, что ему соответствует, либо нам приходится населять мир лингвистическими *двойниками* (причем значительно его перенаселять, ведь каждый самородок «позитивного» факта покрыт толстым слоем «негативных» фактов, а каждый мельчайший, детализированный факт густо наштапрован общими фактами и так далее).

Когда утверждение истинно, тогда *несомненно* существует положение дел, делающее его истинным, и которое есть *toto mundo* ¹⁴, отличный от истинного утверждения о нем, однако несомненно также и то, что мы можем лишь *описывать* это положение дел *с помощью слов* (либо тех же самых, либо, если удастся, других). Я могу только описывать ситуацию, в которой истинно говорить о том, что меня тошнит, отмечая, что это и есть именно та самая ситуация, когда я чувствую тошноту (или испытываю ощущение тошноты) ¹⁵. Однако между утверждением, хотя и истинным, о том, что я чувствую тошноту и самим ощущением тошноты лежит пропасть ¹⁶.

Я повсюду использую *tstS* в качестве своего собственного примера, поскольку иные примеры, скажем, *tst* Юлий Цезарь был лысым, или *tst* все мулы стерильны, теми или другими способами затемняют различие между предложением и утверждением: очевидно, что в первом случае мы имеем предложение, используемое для указания одной единственной исторической ситуации, а во втором случае утверждение вообще не указывает на историческую (или на какую-нибудь *конкретную*) ситуацию.

Если допускаются иные типы утверждений (экзистенциальные, общие, гипотетические и т. д.), которые следовало бы рассмотреть, то с ними возникают скорее проблемы значения, а не истины, хотя я и чувствую затруднение по поводу гипотетических утверждений.

¹⁴ Весь мир (*итал.*) — *Прим. перев.*

¹⁵ Если это и есть то, что подразумевается под «Идет дождь» истинно, если и только если идет дождь», тогда пока все хорошо.

¹⁶ Это влияет на истину двояким образом. Из этого прежде всего следует (очевидно), что не может быть никакого критерия истинности в

Фраза «факт в том, что» предназначена для применения в ситуациях, когда можно пренебречь *различием* между истинным утверждением и положением дел, по отношению к которому оно истинно. Это происходит преимущественно в обыденной жизни, хотя иногда случается и в философии, главным образом при обсуждении проблемы истины, когда мы собственно и занимаемся извлечением слов из мира и собиранием их вне него. Вопрос же «Является ли факт о том, что *S*, истинным утверждением о том, что *S*, или же тем, по отношению к чему утверждение истинно?» может приводить к абсурдным ответам. Обратимся к аналогии. Мы в состоянии осмысленно спросить «Мы сидим *верхом* на слове “слон” или на животном?», причем равно осмысленно спрашивать «Мы *пишем* слово или животное?», однако вопрос «Мы *даем определение* слову или животному?» будет уже бессмысленным. Поскольку определение слона (допуская, что мы вообще в состоянии это сделать) представляет собой сокращенное описание операции, включающей одновременно и слово, и животное (можем ли мы таким образом дать определение образа или линкора?), постольку слова «факт о том, что» есть сокращенный способ речи по поводу ситуации, объединяющей слова и мир вместе ¹⁷.

3(б) «Соответствует» также порождает затруднения, потому и понимается обычно либо слишком узко, либо слишком широко по смыслу, а иногда и вообще некоторым, не имеющим отношения к данному контексту, образом. Существенный момент здесь заключается единственно в следующем: соответствие между словами (= предложениями) и типом ситуации, события и т. д., когда утверждение, сделанное с помощью этих слов, указывает на историческую ситуацию данного типа и является истинным, *абсолютно и чисто* конвенциональное. Мы совершенно свободны в выборе символов для того, чтобы описывать любые типы ситуаций, насколько по отношению к ним вообще уместна истинность. В небольшом, узкоспециализированном языке всякая *tst* чепуха может быть истинной в тех же самых обстоятельствах, как и утверждение на английском языке о том, что национал-либералы являются избранниками народа ¹⁸. Для слов, исполь-

смысле наличия определенных свойств, распознаваемых в самом утверждении, которые бы показывали истинно оно или ложно. А также следует то, что утверждение не может указывать само на себя, «не приводя к абсурду».

¹⁷ «Является истинным то, что *S*» и «Факт в том, что *S*» применимы в одних и тех же обстоятельствах; шапка впору, когда голова подходящая. Ту же самую функцию, что и «факт», могут выполнять другие слова. Например, мы говорим «Ситуация такова, что *S*».

¹⁸ Мы могли бы теперь даже использовать слово «чепуха» (*nuts*) в качестве кодового слова, однако код отличается от языка, поскольку

зуемых в производстве истинного утверждения, нет никакой необходимости каким-либо способом — даже косвенным — «зеркально отражать» любые свойства некоторой ситуации или события. Для того чтобы быть истинным, утверждению не более требуется воспроизвести, скажем, «разнообразие», «структуру» или «форму» реальности, чем слову требуется быть звуковой или графической пиктограммой. Полагать обратное, значит снова впасть в ошибку привнесения в мир свойств языка.

Более элементарному языку зачастую присуща тенденция располагать «отдельным словом» для весьма «комплексного» типа ситуаций. Это имеет тот недостаток, что подобный язык весьма сложен в изучении и неспособен иметь дело с нестандартными, непредвиденными ситуациями, для которых просто может не найтись слова. Если мы выезжаем за границу, снабженные только разговорником, то мы потратим множество часов, заучивая наизусть фразы типа:

Сколько стоит эта вещь?

Как пройти в метро?

и так далее, и так далее. Однако, столкнувшись с ситуацией, в которой, например, мы имеем дело с авторучкой своей тети, обнаружим полную неспособность выразить это словами. Характеристики же более развитого языка (артикуляция, морфология, синтаксис, абстракции и т. д.) не делают сообщения на данном языке сколько-нибудь более пригодными к тому, чтобы быть истинными, скорее они способствуют большей адаптивности утверждений, их большей точности, возможности изучения и понимания. Перечисление подобных целей, вне всякого сомнения, может быть продолжено, если язык (насколько это позволяет природа посредника) «зеркально» отражает конвенциональными способами обнаруживаемые в мире свойства.

Даже если язык и в самом деле «зеркально отражает» подобные свойства очень подробно (а делает ли он это вообще?), истинность утверждений все же остается делом, как это было и с более элементарным языком, использованных слов, которые *конвенционально предназначены* для ситуации того типа, к которым относится их способ указания. Картина, копия, репродукция, фотография *никогда* не считаются истинными лишь постольку, поскольку они суть просто *воспроизведения*, сделанные естественными или механическими способами. Воспроизведение способно быть на что-то похожим или быть жизнеподобным (истинным *по отношению к* оригиналу) подобно грамзаписи или копии, но не может быть истинным в смысле протокольного отчета. Точно также (естественный) знак *чего-либо* может быть безошибочным или недостоверным, но только (искусственный)

представляет собой его трансформацию. Поэтому кодовое слово в донесении не будет (не называется) «истинным».

знак для чего-либо может быть правильным или неправильным¹⁹.

Между истинным отчетом и правдивой картиной, противопоставление которых здесь носит несколько насильственный характер, есть множество промежуточных случаев. Причем, изучение именно этих случаев (а это дело долгое) способствует наиболее ясному пониманию вышеуказанного контраста. Возьмем, например, географические карты. Их можно назвать картинами, хотя и в высшей степени условными картинами. Если карта бывает ясной, точной или вводящей в заблуждение, как и утверждение, то почему она не может быть истинной или же преувеличивающей? Чем «символы», использованные при изготовлении карты, отличаются от знаков, применяемых в производстве утверждений? А, с другой стороны, если аэрофотосъемка не является картиной, то почему она ею не является? И когда карта превращается в диаграмму? Эти вопросы действительно проливают свет на проблему.

4. Иногда говорят следующее:

Сказать, будто утверждение истинно, не значит сделать еще какое-либо дальнейшее утверждение.

Во всех предложениях формы «*p* является истинным» фраза «является истинным» логически излишняя.

Говорить, что суждение является истинным, означает всего лишь его утверждение, а говорить, что оно является ложным, означает утверждение его противоречия.

Но это неверно. TstS (исключая парадоксальные случаи неестественного или необычного происхождения) указывает на мир или на его часть, исключая tstS, то есть самого себя²⁰. TstST указывает на мир или на его некоторую часть, содержащую tstS, однако снова исключает себя самого, то есть tst ST. Таким образом, tst ST указывает на то, на что tst S не может указывать. Tst ST определенно не содержит какого-либо утверждения по поводу мира, которого бы уже не было в tst S, более того, кажется сомнительным, что оно вообще включает какое-либо утверждение о мире, кроме tst S, которое делается, когда мы утверждаем, что S. (Если я утверждаю, что tst S истинно, действительно ли нам следует соглашаться с тем, что я утверж-

¹⁹ Беркли спутал данные виды знаков. Нельзя понять журчание ручья, пока не создана гидросемантика.

²⁰ Утверждение может указывать на «себя самого», например, в том смысле, что предложение используется или высказывание высказывается при его производстве («утверждение» не свободно от всех двусмысленностей). Но парадокс получается в том случае, если утверждение предназначено для указания на самого себя в более полном смысле, с целью установления собственной истинности, или же установления того, на что оно указывает («Это утверждение о Катоне»).

даю, что S? Только «путем импликации») ²¹. Но все это не предоставляет какой-либо возможности показать, будто *tst ST* не является утверждением отличным от *tst S*. Если господин А заявляет, что господин Б взломщик, то суду предстоит решить, следует ли признать утверждение господина А клеветой. Его заявление признается истинным (по сути и фактически). Затем проводится второе судебное разбирательство для вынесения решения о том, действительно ли господин Б является взломщиком, причем заявление господина А уже более не рассматривается. Выносится приговор: «Господин Б взломщик». Проведение второго судебного разбирательства дело непростое, тогда почему же оно вообще предпринимается, ведь его приговор идентичен предшествующему судебному решению? ²²

Чувствуется, что данные, принятые во внимание при вынесении первого приговора, являются теми же самыми, которые рассматривались и в процессе принятия второго судебного решения. Однако это не вполне так. В большей степени верным будет то, что если *tst S* истинно, тогда *tst ST* также истинно, и наоборот. Когда же *tst S* ложно, тогда *tstST* также ложно, и наоборот ²³. Это доказывает, что слова «является истинным» в логическом отношении лишние, поскольку считается что, если два утверждения всегда вместе истинны и всегда вместе ложны, тогда они должны означать одно и то же. Является ли подобная точка зрения в целом здоровой, может быть поставлено под сомнение. Но даже если она и такова, то почему все это не может сломаться в случае такой очевидно «особенной» фразы, как «является истинным»? В философии заведомо возникают ошибки, если мыслится, будто все, имеющее отношение к «обычным» словам типа «красный» или «рычит», должно иметь силу применительно к экстраординарным словам типа «реальный» или «существует». Несомненно, что «истинный» есть именно такое экстраординарное слово ²⁴.

Есть кое-какие тонкости по поводу «факта», описываемого с помощью *tstST*, что-то заставляющее нас вообще не решаться назвать

²¹ А «путем импликации» *tstST* устанавливает нечто по поводу производства утверждения, чего *tstS* определенно не устанавливает.

²² Это не вполне удачный пример, поскольку есть множество юридических и личных оснований для проведения двух судебных разбирательств, однако все это не влияет на вывод о том, что оба решения одинаковы.

²³ Не *вовсе* точно, потому что *tstST* вообще уместно тогда, когда *tstS* рассматривается в качестве произведенного и верифицированного утверждения.

²⁴ *Unum, verum, bonum* (Единое, истина, благо) могут считаться самыми знаменитыми фаворитами в этом отношении. В каждом из них есть что-то необычное. Теоретическая теология есть форма звукоподражания.

это «фактом», а именно: отношение между *tstS* и миром, достижение которого утверждается *tstST*, является *чисто конвенциональным* отношением (из тех, которые «делаются таковыми мышлением»). Поскольку мы осознаем, что подобное отношение из тех, которые мы могли бы произвольно изменить, тогда как мы хотели бы ограничить слово «факт» только *твердыми* фактами, фактами, которые неизменны и естественны, по крайней мере неизменяемы произвольно. Таким образом, обращаясь к рассмотрению аналогичного случая, нам не следует склоняться к тому, чтобы видеть факт в том, что слово «слон» означает то, что оно означает, хотя нас и могут побуждать называть это (мягким) фактом. Впрочем, мы, конечно же, без колебаний называем фактом то, что в наше время говорящие на английском языке применяют слово именно тем образом, каким они его применяют.

Важный момент по поводу данной точки зрения заключается в том, что в ней смешиваются ложность и отрицание, поскольку в соответствии с ней будет одним и тем же сказать: «Он не живет в этом доме» и «Ложно, что он живет в этом доме» (а что если никто и не говорит о том, что он *живет* в доме? Что если он лежит там мертвым?). Слишком много философов в стремлении поверхностно объяснить отрицание настаивали на том, будто отрицание представляет собой всего лишь утверждение второго порядка (в случае, если определенное первопорядковое утверждение является ложным). Однако, стремясь объяснить ложность, настаивают уже на том, что ложность утверждения, есть всего лишь утверждение его отрицания (противоречия).

Здесь более нет возможности заниматься столь фундаментальным вопросом ²⁵. Позвольте мне просто выдвинуть следующее положение.

²⁵ Приводимые ниже два ряда логических аксиом (в том виде, как их сформулировал Аристотель, а не его последователи) полностью различны:

а) Ни одно утверждение не может быть одновременно истинным и ложным.

Ни одно утверждение не может быть неистинным и неложным.

б) О двух противоречащих утверждениях.

Оба не могут быть истинными вместе.

Оба не могут быть вместе ложными.

Второй ряд требует определения противоречия и обычно связан с неосознанным постулатом, будто для каждого утверждения существует одно и только одно утверждение, так что их пара является противоречием. Неясно, сколько каждый язык содержит или должен содержать противоречий, определенных таким образом, чтобы одновременно удовлетворять этот постулат и ряд аксиом (б).

Так называемые «логические парадоксы» (едва ли подлинные парадоксы), имеющие дело с «истинным» и «ложным», не могут редуцироваться к случаям самопротиворечивости, большей, чем «*S*, но я в это не

Утверждение и отрицание располагаются именно на том уровне, на котором ни один язык уже не может существовать, если он лишен конвенций для них обоих. Утверждение и отрицание прямо указывают на мир, а не на сообщения по поводу мира, тогда как язык может вполне успешно функционировать без каких-либо средств, выполняющих работу «истинного» или «ложного». Любая удовлетворительная теория истины должна быть в равной степени способной справляться и с ложностью²⁶. Однако настаивать на том, что «является ложным» представляет собой логическое излишество, можно только на основе всей этой фундаментальной путаницы.

5. Есть и другой способ прийти к пониманию того, что фраза «является истинным» не может считаться логически излишней, а также выяснить, какого рода утверждения содержатся в словах о том, будто определенное утверждение истинно. Существует множество иных прилагательных, связанных с отношениями между словами (в качестве высказанных с указанием на историческую ситуацию) и миром, которые принадлежат к тому же самому классу, что и прилагательные «истинный» или «ложный». Причем никто не станет отвергать их как логически излишние. Например, мы говорим, что определенное утверждение содержит преувеличение, или оно не совсем ясное, или стилистически невыразительное, описание чего-либо приблизительное, вводящее в заблуждение или просто не очень хорошее, объяснение слишком общее или неоправданно сокращенное. В подобных случаях бессмысленно настаивать на принятии простого решения по поводу того, является ли утверждение «истинным или ложным».

верю». А утверждение, сделанное с целью, чтобы информировать о том, что оно само по себе является истинным, настолько же абсурдно, как и то утверждение, которое делается ради своей собственной полной ложности. Есть *другие* типы предложений с погрешностями в отношении фундаментальных условий возможности любой коммуникации, причем эти погрешности отличаются от тех, которые содержатся в предложении «Это — красное и не красное». Например, «Это не существует (Я не существую)» или равно абсурдное «Это существует (Я существую)». Есть и в большей степени смертные грехи, чем этот; и путь к спасению не лежит через создание какой-нибудь иерархии.

²⁶ Быть ложным (это, конечно, не подразумевает соответствия не-факту) означает неверно соответствовать факту. Кто-то этого не понял, поскольку ложное утверждение не описывает факт, которому оно неверно соответствует (но неправильно описывает его). Мы все же знаем, какой факт сравнивать с ложным утверждением. Причина этого затруднения в том, что считалось, будто все лингвистические конвенции дескриптивные, однако именно демонстративные конвенции фиксируют то, что ситуация является той, на которую указывает утверждение. Ни одно утверждение не может само по себе устанавливать того, на что оно указывает.

Истинно или ложно то, что Белфаст расположен к северу от Лондона? Что Галактика имеет форму жаренного яйца? Что Бетховен был пьяницей? Что Веллингтон выиграл битву при Ватерлоо? В производстве утверждения есть различные *степени и измерения* успеха. Утверждения соответствуют фактам всегда более или менее неточно, различными способами и в различных обстоятельствах, они имеют различные намерения и цели. То, что может точно определяться в свете общих знаний, в иных обстоятельствах обладает оттенками. И даже наиболее гибкий из языков в состоянии потерпеть неудачу, «работая» в ненормальных условиях, но может и справиться, причем более или менее просто справиться с новыми открытиями. Истинно или ложно то, что собака бежит вокруг коровы? ²⁷ Что же говорить о большом классе случаев, когда утверждение является не столько ложным (или истинным), сколько неуместным или неподходящим (уместно ли говорить «Все признаки хлеба налицо», когда хлеб уже стоит перед нами?).

Мы вынуждены прибегать к «истине», когда обсуждаем утверждения, подобно тому, как мы обязаны обращаться к «свободе», когда рассматриваем поведение. Пока мы полностью уверены, будто единственная проблема заключается в том, совершено ли определенное действие свободно или нет, мы находимся в тупике. Но как только вместо этого мы замечаем множество других наречий, применяемых в той же самой связи («нечаянно», «невольно», «неумышленно» и т. д.), так все сразу упрощается, и мы убеждаемся, что нам вообще не требуются выводы формы: «Итак, это было сделано свободно (или несвободно)». Так и свобода, истина представляет собой либо скудный минимум, либо иллюзорный идеал (истина, вся истина, ничего кроме истины, скажем, о битве при Ватерлоо или о *primavera* ²⁸).

6. Допускать, что все утверждения должны быть «истинными», попросту бесплодно, поскольку сомнительно даже то, имеет ли каждое

²⁷ Есть смысл в «когерентных» (и прагматистских) теориях истины, несмотря на их неспособность осознать простой, однако важный момент: истина все же связана с отношением между словами и миром, а также несмотря на ошибочную унификацию всех разновидностей неудач в утверждениях под единственным заголовком «частично истинные» (что с тех пор неверно приравнивается к «части истины»). Теоретики «корреспонденции» зачастую мыслят подобно тем, кто убежден, будто всякая географическая карта может быть либо точной, либо неточной, как если бы точность являлась исключительным и единственным достоинством карты; как будто каждая страна может обладать уникальной точной картой, а карта в более крупном масштабе, либо выделяющая некоторые особенности, должна считаться картой другой страны и т. д.

²⁸ Весна (итал.) — Прим. перев.

«утверждение» подобную цель вообще. Принцип Логики «Каждое суждение должно быть истинным или ложным» настолько долго считался наипростейшим и самым убедительным, что превратился в наиболее распространенную форму дескриптивного заблуждения. Под его влиянием философы принудительно интерпретировали все «суждения» на основе модели утверждения о том, что некоторая вещь красная, как если бы оно производилось, пока вещь находится под наблюдением.

Не так давно пришли к осознанию того, что многие высказывания, принимаемые за утверждения (просто потому, что они, с точки зрения грамматической формы, не могут классифицироваться как команды, вопросы и т. п.), фактически вообще не являются дескриптивными и не допускают того, чтобы быть истинными или ложными. Когда же утверждение не будет утверждением? Когда оно является формулой в исчислении, когда это перформативное высказывание, когда это ценностное суждение, когда это дефиниция, когда это вымысел — есть множество подобных предположительных ответов. Для данных высказываний просто не ставится цель «соответствовать фактам» (и даже подлинные утверждения имеют иную цель, кроме того, чтобы находиться в таком соответствии).

Вопрос о том, до каких пор мы будем продолжать называть этих ряженных «утверждениями» и насколько широко мы готовы использовать «истинный» и «ложный» в «различных смыслах», остается дискуссионным. Мое предложение заключается в следующем: будет намного лучше *не* называть их утверждениями и *не* говорить, что они истинные или ложные, до тех пор пока маски не будут сброшены. В обычной жизни мы вообще не называем большинство из них утверждениями, хотя философы и грамматикологи могут продолжать это делать (или скорее смешивать их вместе под искусственным термином «пропозиция»). Мы проводим различие между «Вы говорили, что обещали» и «Вы утверждали, что обещали». Первое может означать, будто вы сказали «Я обещаю», тогда как последнее должно означать, будто вы сказали «Я обещаю». Последнее, что, как мы уже говорили, вами «утверждалось», оценивается как истинное или ложное, а первое, где мы используем более широкий глагол «говорить», не рассматривается в качестве истинного или ложного. Сходным образом, есть разница между «Вы говорите, что это (называя что именно) хорошая картина» и «Вы утверждаете, что это хорошая картина». Более того, только пока не выяснена реальная природа арифметической формулы или геометрической аксиомы и предполагается, что обе они фиксируют информацию о мире, стоит называть их «истинными» (и даже «утверждениями», хотя назывались ли они когда-нибудь таким образом?). Однако, если их сущность выяснена, то мы уже более не должны поддаваться соблазну считать их «истинными» или рассуждать по поводу

их истинности или ложности.

В приведенных выше случаях модель «Это красное» не срабатывает, поскольку ассимилированные в них «утверждения» не таковой природы, чтобы соответствовать фактам. Слова не являются дескриптивными словами и так далее. Однако есть случаи и иного типа, когда слова действительно являются дескриптивными словами, а «суждение» действительно каким-то образом должно соответствовать фактам, но, строго говоря, совсем не тем, каким «Это красное» и сходные с ним утверждения, выдвигаемые на то, чтобы считаться истинными, соответствуют фактам.

В затруднительных ситуациях, в которых оказывается человек и для использования в которых предназначен язык, мы можем пожелать говорить о положениях дел, которые не наблюдались и не находятся под текущим наблюдением (например, будущее). И хотя мы *можем* установить все «в качестве факта» (утверждение которого будет тогда истинным или ложным)²⁹, однако не нуждаемся в этом. Нам следует только сказать «Кошка *может быть* на рогажке». Это высказывание полностью отлично от *tstS*, поскольку вообще не представляет собой утверждение (оно неистинно и неложно, оно сравнимо с «Кошка может не быть на рогажке»). Аналогично ситуация, когда мы обсуждаем, действительно ли *tstS* является *истинным*, отлична от ситуации, когда мы обсуждаем, *вероятно* ли то, что *S Tst* о том, что вероятно *S*, неуместно, не подходит к ситуациям, в которых мы можем сделать *tstST* и, как я полагаю, наоборот. Обсуждать здесь вероятность не является нашей задачей. Лучше отметим, что фразы «Истинно то, что» и «Вероятно то, что» расположены на одном уровне³⁰ и поэтому несравнимы.

7. В недавней статье в журнале «Анализ» г-н Стросон предложил точку зрения на истину, которую, как это станет ясным, я не принимаю. Он отрицает «семантическое» объяснение истины на том совершенно верном основании, что фраза «является истинным» не используется в разговоре по поводу *предложений*, и подкрепляет свою позицию с помощью изобретательной гипотезы о том, каким образом значение можно спутать с истиной. Однако всего этого все же недостаточно для доказательства того, что он хочет, а именно: «является истинным» не используется в разговоре (или что «истина не является свойством чего-либо») *о чем бы то ни было*. Поскольку эта фраза все же используется в разговоре по поводу *утверждений* (которые г-н Стросон в своей статье ясно не отличает от предложений). Далее, он поддерживает точку зрения «логической избыточности» до такой сте-

²⁹ Хотя называть их таким образом неуместно. По тому же основанию никто не может говорить истину или лгать по поводу будущего.

³⁰ Сравни необычное поведение «было» и «будет», когда они прилагаются к «истинный» или к «вероятный».

пени, что соглашается, будто сказать, что ST, не означает высказать нечто большее, чем утверждение о том, что S. И все же он имеет разногласие с данной точкой зрения, поскольку полагает, будто сказать, что ST значит *сделать* нечто большее, чем только утверждать, что S, а именно: *усилить* или *дать согласие* (или что-то в этом роде) на уже сделанное утверждение о том, что S. Понятно, почему я не принимаю первую часть этого. Но что можно сказать о второй части? Я согласен с тем, что сказать, что ST по важным лингвистическим обстоятельствам зачастую означает подтверждение *tstS* или согласие с *tstS*. Однако это не доказывает, будто говорить, что ST не означает также того, что в то же самое время делается утверждение о *tstS*. Говорить, что я верю в ваше «да» в ситуации принятия вашего утверждения, есть то же самое, что сделать утверждение, которое не производится с помощью строго перформативного высказывания «Я принимаю ваше утверждение». Вполне обычные утверждения имеют перформативный «аспект». Словами о том, что вы рогагосец, можно нанести оскорбление, но одновременно и сделать утверждение, которое истинно или ложно. Более того, г-н Стросон, кажется, ограничился случаем, когда я *говорю*: «Ваше утверждение истинно» или нечто в этом роде, но как быть в случае, когда вы утверждаете, что S, а я ничего не говорю, а *смотрю и вижу*, что ваше утверждение истинно? Я не представляю, каким образом этот критический случай, для которого нет аналогий со строго перформативными высказываниями, мог бы получить ответ с позиции г-на Стросона.

Один заключительный момент. Если признается (*если*), что довольно скучное, однако удовлетворительное отношение между словами и миром, которое здесь обсуждалось, в действительности имеется, то почему фраза «является истинным» не может быть нашим способом его описания? И если не она, то что же еще?